

Глава 2: Быстротечность

Змеи, как вскоре понял Гарри, — временные существа. Хаса пробыл здесь недолго, как и его преемник Кселос. Они пробыли у него около полугода каждый, и за это время Гарри очень полюбил их — больше, чем когда-либо кого-либо из людей. Змеи — гораздо лучшие люди, чем настоящие люди, быстро решил он; не случайно в языке змей не было слова «урод». У них наверняка были и другие неприятные слова, но отсутствия этого слова было достаточно, чтобы заставить Гарри поверить, что в целом змеи по моральным качествам намного превосходят людей. Они мало что понимали в заботах и проблемах человеческого мира, и Гарри обнаружил, что предпочитает это: времяпрепровождение с маленькими существами давало возможность уйти от ужасного испытания, которым была его жизнь. Они проявили к нему доброту, которой никогда не было ни у одного человека, и приняли его без осуждения, с невинностью, на которую, как он был уверен, люди не способны. Он наслаждался их обществом больше всего на свете — не было ничего, что делало бы его более счастливым, чем весело болтать с ними, пока он стоял на коленях над садом тети Петунии, выпалывал сорняки и слушал их умелые рассказы, когда сидел на траве и ел свой обед. Змеи могли рассказать лучшие истории; В частности, у Хасы был довольно серебряный язык.: Три дня назад шел сильный снег, и ветер дул лишь призрачными клочьями, лишь шепча никому приятные пустяки. Это было действительно красиво.:Но дело не в этом, не так ли? Несмотря на спокойствие леса бездонных деревьев, мой враг, эта настойчивая змея, стояла на моем пути. Он был крупнее, быстрее, и стороннему наблюдателю могло показаться, что у меня нет шансов на победу. Поражение было неизбежным. Но сторонний наблюдатель не узнает, что я на самом деле гораздо умнее его. Видите ли, я не только заметил обилие снега и отсутствие ветра, но и сделал вывод о стратегическом преимуществе, которое предоставила мне погода. Потребовалось немного больше, чем постучать хвостом по стволу молодого тиса, чтобы спустить большой поток снега с вершины дерева на землю, где стоял мой враг, ожидая удара. Снег быстро накрыл его, дав мне возможность ускользнуть невредимым. Итак, вы видите, Гарри никогда не будет сильным, если ты можешь быть умным.Оказалось, что змеи живут весьма интересной жизнью, охотясь на мелких грызунов и спасаясь от хищных птиц, не говоря уже о боях с другими змеями. Но Хаса и Кселос были молоды, и по прошествии нескольких месяцев их коллекция рассказов иссякла. Именно тогда Гарри заметил их вялые движения и переменчивые перепады настроения; с течением времени они становились все более рассеянными и отстраненными. В конце концов стало очевидно, что они не могут оставаться с ним — не для них было так долго задерживаться на одном месте; им нужно было двигаться дальше, а Гарри нужно было оставаться, запертым днем в классе 5а, а ночью в чулане под лестницей на Тисовой улице номер 4.Он не стал бы этого отрицать: когда Хаса впервые ушел, его сердце было разбито. Он никогда раньше не чувствовал ничего подобного боли потери друга и совершенно не был к этому готов. Но в этом он стал лучше, по крайней мере, так он говорил себе. Он был на шаг ближе к тому, чтобы стать настоящим человеком, а не просто уродом, поскольку теперь он знал о боли, которая, казалось, преследовала всех нормальных людей. Это был не страх перед охотой и не тяжесть осознания того, что он никогда не станет чем-то большим, чем никчемным уродом — это была боль утраты, универсальный недуг человечества.Горе всегда смущало его — он не совсем понимал эту концепцию. Часто его мысли возвращались к потрясенным лицам героев мыльных опер тети Петунии — он запоминал искренние эмоции на их лицах, а после того, как его домашние дела были закончены и ему наконец разрешили вернуться в чулан, он вернись к этим воспоминаниям, наслаждаясь незнакомыми чувствами, которые изобразили эти опытные актеры. Гарри был знаком с болью. Он осмелился бы сказать, что он был очень знаком, но дело было не только в этом. Было что-то более глубокое в выражениях лиц блондинов мужчины и женщины по телевизору, когда они оплакивали свою четырехлетнюю дочь — они знали что-то, чего не знал он.Гарри тоже знал одиночество; боль отсутствия. И все же мрачные лица присутствующих на похоронах таили в себе нечто большее. Ему не хватало чего-то важного, какого-то общего человеческого опыта, достаточно распространенного, чтобы

профессиональные актеры могли запечатлеть его на телеэкране, но достаточно глубокого, чтобы все его последствия постоянно ускользали от Гарри. Но он наконец понял. Уход Хасы оставил зияющую дыру глубоко в груди Гарри – тупую боль и острое чувство страха – осознание того, что у него было что-то чудесное и он никогда не получит этого снова. Хаса не возвращался. Прибытие Кселоса заполнило дыру, но не полностью. Это было просто по-другому. Присутствие Кселоса излечило болезнь одиночества, но его присутствие не изгладило горя. Именно тогда Гарри понял, что друзей невозможно заменить, и этот урок он наверняка примет близко к сердцу.: Чичи! Чичи! Хватит прятаться! Я хочу поговорить с тобой! И снова ответа не последовало. Всю последнюю неделю он делал это каждую ночь – бродил кругами по двору, выкрикивая имя Чичи тихим шипением, которое могла слышать только она. Семь ночей она ускользала от него; семь ночей Том не мог найти своего единственного друга. Он найдет ее – так он сказал себе сначала, но глубоко в глубине своего недавно оттаявшего сердца он знал правду. Она ушла. Мальчик упал на колени в холодную траву, сердце громко колотилось в груди. Либо она пряталась от него, либо ушла. В любом случае, Чичи больше не был его другом. Слезы навернулись у него на глазах, и он задохнулся — но минута прошла быстро, и лицо его сделалось холодным и твердым, как камень; он отказался плакать. Так поступили бы другие дети – так поступил бы глупый Билли Стаббс – и он был лучше их. Намного лучше. Но если ему было лучше, почему он не мог удержать своего единственного друга? Чичи ушла, без сомнения, чтобы стать чьим-то другом, оставив его позади — как она посмела так отбросить его? Если ему было настолько лучше, какая у нее могла быть причина оставить его? Он отказывался верить, что с ним что-то не так. Он отказывался верить, что из-за собственных недостатков был лишен чего-то необходимого. Он отказывался верить в то, что потерпел какую-либо неудачу – но тогда почему Чичи ушел? Был только один ответ. Она ушла, потому что она ему была не нужна. Ему не нужны были друзья. Чичи знала это, и, утешенная этим знанием, имела смелость уйти. Она знала, что Том достаточно превосходит других, и ему не нужно опираться на дружбу как на костыль, высасывая из других, чтобы скрыть свои недостатки. Он закрыл глаза, позволяя полуночному холоду укутать его и крепко схватить; он глубоко вздохнул, а затем почувствовал. Это было то, как холод щипал его кожу, шепот осеннего ветерка; вкус собирающейся росы и запах приближающегося ливня – таков был его мир. Подобно природным явлениям, окружавшим его, он был силой, не ограниченной человеческой слабостью, не обеспокоенной заботами жалких маленьких людей, ползающих и развращающих. Он был выше всего этого – он был свободен. И даже когда на его лице появилась холодная улыбка, из его глаз упала единственная слеза – последняя слеза, которая когда-либо вырвалась из его холодных темных глаз. Если Чичи когда-нибудь вернется, он убьет ее. Тогда она больше никогда не уйдет. Гарри проснулся в слезах. После того, как первоначальный шок от ухода Хасы и Кселоса растворился в сероватом пятне прошлого Гарри, он решил найти себе еще одного друга – на этот раз друга-человека. Они, по крайней мере, имели тенденцию оставаться на одном месте. Прошел целый год с тех пор, как он пытался подружиться с Лизой, и боль отвержения была не более чем затертым воспоминанием, а извлеченный урок стал забытым. Риск того стоил, сказал он себе. Человеческие друзья были неподвижными и, ну, людьми. Он знал, что это было довольно жалко, что ему было восемь лет, и единственными друзьями, которые у него когда-либо были, были рептилии-подростки. Даже Гарри, каким бы социально изолированным он ни был, знал, что заведение друзей — это своего рода человеческий обряд посвящения. Если он когда-нибудь хотел стать чем-то большим, чем урод, ему нужен был друг-человек. Это была непростая цель, которую он поставил перед собой; все дети в его школе либо боялись его, либо слишком боялись Дадли, чтобы подружиться с ним. Не говоря уже о том, что он провел с ними достаточно времени, чтобы знать, что ни один из них не был идеальным другом. Большинство детей были недобрыми и глупыми, практически не обладавшими искупительными качествами. Но, как оказалось, начало третьего класса предоставило прекрасную возможность: новенький Сэм Стюарт – волшебник. Сэмюэл Великолепный, так он называл себя. Он был высоким для своего возраста, блондином

песочного цвета, с румяными щеками и озорной улыбкой. Мальчик часто ходил на занятия в цилиндре и с удовольствием вытаскивал из него странные предметы с торжествующим «Абра Кадабра!» Гарри всегда вздрагивал, когда мальчик говорил это. Он не совсем понимал, почему. Несмотря на это, Гарри знал, что ему представилась прекрасная возможность. Гарри предсказал, что Сэму будет трудно завести близких друзей. Конечно, другие дети были бы заинтригованы его трюками, но они все равно держались бы на расстоянии. Мальчик был слишком громким, слишком счастливым и слишком потерянным в своем маленьком мире, чтобы быстро вызвать к себе слишком большую симпатию к кому-либо из своих предсказуемо скучных одноклассников. Вот почему, после окончания занятий 27 сентября 1988 года, Гарри медленно (и, как ему показалось, довольно незаметно) подошел к столу Сэма.

<http://tl.rulate.ru/book/106218/3997248>